

Надежда
ВАСИЛЬЕВА

г. Петрозаводск

Плач Синайских гор

повесть

Пески, пески... и раскалённый зной,
И силуэты гор среди пустыни.
Под небом, сотканным голубиной,
Безмолвны храмы, боги и богини.

Секреты ввысь смотрящих пирамид,
Загадочная человеко-льва фигура
Влекут сюда приезжих, как магнит,
Помпезным блеском древнего гламура.

Недосягаем потаённый ключ
От кладовых жрецов и вечных знаний.
И смотрит Сфинкс, спокоен и могуч, —
Свидетель драм, трагедий и закланий...

(Светлана Черенкова)

Странный сон

Чёрное небо рвалось на части с оглушительным треском. Вспышки вольтовых дуг, силившихся спать надменные лбы скалистых вершин, слепили глаза. Казалось, кто-то невидимый, но властный хлещет по горным хребтам мощным кнутом, с яростью пытаюсь расшевелить и выгнать из пустыни вольготно разлёгшееся здесь стадо каменных буйволов. В горах нарастал зловещий гул. Гул переходил в зычный грохот. Словно стадо, наконец, действительно поднялось и, обезумев от боли и грубой чужой воли, устремилось куда-то на край света, вздымая до самых небес тучи сухого песка и колючих камней. Но даже в этот жуткий миг истерзанному небу было не разразиться слезами. Такой уж нрав у этих Синайских гор!

Светлана металась по постели вся мокрая от измучивших её кошмаров. Села на кровати, принялась стаскивать с себя шерстяной свитер. Угораздило её завалиться спать вверх покрывала, да ещё и в одежде! Тёплый свитер трещал над головой, разряжая статическое напряжение. Заряды искрились в темноте и больно щёлкали по лицу. Пошла в кухню, включила чайник, нажала кнопку телевизора. Передачи она смотрела редко, но как-то нужно отойти от этого кошмара. Права была бабушка, когда гово-

рила: «Упаси тебя бог заснуть на закате! Чего только не привидится!»

А по телевизору показывали теракты. «Мигалки», носилки, груды обломков, окровавленные тела... Её передёрнуло. Где там опять что взорвали? Представить страшно! Хорошо ещё, что не в нашей стране.

И вдруг... узнала гостиницу «Hilton»! Вся так и подалась вперед. Вот это да! Неделю назад она вернулась из Египта. Их экскурсионный автобус стоял у этой гостиницы много раз. Включила громкость. Что могло случиться? Картинку сняли. Дикторша «Вестей» равнодушно и коротко рассказала о четырёх взрывах на побережье Красного моря. Начинённые взрывчаткой машины врезались в корпуса гостиниц средь бела дня. К террористическим актам народ уже настолько привык, что почти не реагирует. Ну, взорвали и взорвали. Пусть горит — благо не наша деревня. Стыдно, конечно, но факт. Вот и сейчас первой мыслью было: «Слава богу! Вовремя уехала!» И тут же схватила за мобильник. А ребята-то как? Быстро сбросила сообщение. Телефон Самира был отключён. Набрала номер Мустафы. Отправила сообщение. Через минуту трубка запищала. После каких-то арабских значков пошёл английский текст: «Самир в больнице. В тяжелом состоянии». Ее сразу разобрал нервный кашель, мешая осмыслить прочитанное. Мысли словно играли в чехарду: прыгали, толкались, перебивали друг друга. И всё вокруг одного вопроса: зачем он туда пошёл?! И от догадки похолодело всё внутри. Она ведь выслала ему свою авторскую программу английской разговорной речи. А в интернет-баре ближайшей к ним гостиницы, куда он ходил проверять электронную почту, из-за какого-то вируса вышли из строя компьютеры. Вот и направился в соседний отель. Он ведь писал ей об этом!..

И стало уже не до чая. Снова плюхнулась на кровать. По телу пробежал панический озноб. А что если именно она невольно оказалась причиной его нелепой смерти? И глаза стали искать икону Спасителя, что висела на стене спальни в старинном обрамлении. Сухие губы зашевелились в испуге: «Господи! Услышь мои молитвы! Прости и помилуй! Сохрани ему жизнь!!! Пусть у него будет много детей и покорная, любящая жена. И пусть он построит свой дом на плато Гиза».

Плакала и молилась, и всё просила Бога за этого арабского парня. Мысли стали понемногу успокаиваться, словно вымолила у Господа согласие подумать... Мокрые веки слиплись, и она окунулась в туман бредовых видений.

Тропа Покаяния

Верблюд фыркал в самый затылок. Время от времени у него из гортани вырывались какие-то угрожающие звуки. Интересно все-таки, плюются они или нет? Хотя уже было всё равно. Куда деваться? Упрямый бедуин преследовал её целых два километра. Как ни ругался, как ни убеждал его гид, хозяин верблюда не отставал от неё ни на шаг. Время от времени нудил на ломаном английском свое: «У тебя красивые глаза. У меня хороший верблюд. Возьми верблюда!» Вряд ли он знал на английском что-нибудь ещё: когда она его о чем-нибудь спрашивала, он только молча улыбался и показывал на верблюда. На вид ему было около сорока лет. Хотя кто их знает — этих бедуинов. Угадать их возраст просто невозможно. Вот снова забежал вперед, преградил ей путь, делая рукой какие-то жесты: мол, гора высокая, возьми верблюда! Это что-то новенькое. Никак сменил пластинку? Покачала головой и продолжала упрямо подниматься вверх по узкой крутой тропе. Фонарик выключила. И так светло. На небе сияла полная луна, которая щедро разбрызгивала свой неземной свет на острые хребты безмолвных Синайских гор. Днем горы казались золотыми, а ночью в лунном свете — словно покрыты серебром. Согласно одной из легенд на вершине горы, куда они сейчас поднимались, Господь дал Моисею скрижали с десятью священными заповедями. Тропа, по которой зигзагообразной вереницей тянулась не одна сотня туристов, называлась верблюжьей. И вполне она оправдывала свое название. Верблюдов было много и всяких мастей: громоздких, облезлых, старых, с жёлтыми зубами и какими-то выжившими из ума дикими глазами, молодых, длинноногих, со впалыми боками и довольно милыми вытянутыми мордашками. Ноги то и дело скользили по выжарившемуся на солнечном пекле помёту. Днем у подножья гор температура достигала сорока градусов, но жара из-за необы-

чайной сухости климата переносилась довольно легко. Оглянулась назад — сзади светящаяся цепь фонарей была такой же длинной, как и впереди. Блуждающие огоньки ручных фонариков мерцали пугливыми светлячками. Их группа была уже далеко. Гид по имени Мамаду, созывая своих туристов, выкрикивал сигнальное слово: «Мамаду!» уже где-то на очередной стоянке. Она здорово отстала. Быстро идти не могла. Покалявало в правом боку. Предупреждали соседи по лестничной площадке Олег с Реной, мол, не сходи с ума. Целую ночь «галсами» подниматься на высоту двух тысяч трёхсот метров, целый день спускаться по жаре по каким-то козьим тропам. Только разве её переубедишь! Ещё мама говорила: «Таких упрямых, как ты, Светка, свет белый давно не видел!»

И название-то придумали — тропа Покаяния. Все, кто уже ездил на эту экскурсию, уверяли, что спускаться действительно значительно труднее. Остановилась, сдула волосы со лба, осмотрелась. Нет, ради такой красоты стоит помучиться!

И снова этот бедуин машет руками перед самым лицом и бормочет по-английски: «Возьми верблюда! Не десять, пять долларов!» Остановилась, перевела дух. Вспомнилось предупреждение гида. Очень часто местные жители сажают туристов на верблюда за доллар, а снимают за шестьдесят. В Каире у пирамиды Хеопса сама убедилась в дикости местных нравов. Стоило отойти на десять шагов в сторону от группы, как оказалась в плену домогательств чем-то похожего на чёрта бедуина. Настырно всовывал ей в руку белый платок с традиционной тесьмой, приговаривая на английском: «Подарок! Подарок!» А сам уже рукой-владыкой срывал кепку с её головы: «Обмен! Ты — мне, я — тебе!» Вот дает! «Сейчас вызову полицию!» — спокойно, но твердо пригрозила она. И уверенно сняла с его головы свою кепку. Угроза прозвучала внушительно. Ворча что-то себе под нос, бедуин отошёл в сторону. Пошёл ловить других лохов.

Посмотрела на своего «попутчика». Этот на черта похож не был. Глаза хоть и живые, но взгляда не прятали. На голове — чалма. Длинный серый балахон, на плечах — пиджак современного покроя, который никак не вписывался в его «горный имидж»...

Дышать было всё больнее. Под правым ребром уже саднило не на шутку. Всё-таки верить лучше, чем не верить. Будь что будет! Шутливо погрозила хозяину верблюда пальцем:

— Только пять долларов! По рукам? — и протянула ему руку.

Он понял. Слегка стукнул по ладошке и расцвел как маков цвет, не в силах скрыть по-детски счастливую улыбку. И вот уже верблюд лежит у самых её ног. Вот только как взобраться на него? Нет, ноги короткие. Покачала головой. И не успела глазом моргнуть, как бедуин подхватил её на руки и усадил в седло между верблюжьими горбами. Мама родная! Верблюд стал нехотя подниматься с колен. Сто раз прокляла себя за мягкотелость! Вечно уговорится на какую-нибудь авантюру!

Окинула взглядом горные вершины. Подумать только! Ни деревца, ни травинки! Смотришь на эти безмолвные громады, и чудится сказочная музыка. Словно тысячи сдержанных голосов мычат, не открывая рта. Что ни говори, а есть что-то особенное в этой стране. Смотришь на тени Синайских гор, и кажется, что здесь время останавливает свой бег. Нет ни прошлого, ни будущего — только настоящее, которое вечно, как эти Синайские горы.

Верблюд оступился, качнул горбами в сторону пропасти. Мамочки! И сразу душа ушла в пятки. Упадешь — так покувыркаешься. Не только маму, но и папу вспомнишь.

— Остановите его! Дайте я слезу!

— No problem, madam! O'k! O'k!

Знай похлопывает своего верблюда по боцине. Тот важно выбрасывает вперёд неуклюжие копыта. А навстречу — его собратья. Этого только не хватало! Стали переругиваться. Боже! Что за звуки! Сколько в них упрямой злости! Видно, спорят, кому уступать дорогу. Еще кусать друг друга взялись. Люди добрые! Когда закончится эта пытка?!

— Остановите! Прошу вас! Я боюсь!

— Нет проблем, мадам! Глаза красивые. Верблюд хороший! Все o'k!

Ну что с ним будешь делать?!

Хозяин хлопнул верблюда по задней ноге — тот ускорил шаг. Впору было взвыть от страха, но вместо этого пристыдила себя. Сиди, не вой! Сама виновата. Перед тем как поехать по путев-

ке в Египет, хвасталась друзьям: «Взять да хоть раз в жизни на верблюде покататься!» Мысль материальна. Вот и ёрзай теперь между горбами. Кричи не кричи, бедуин с верблюда не снимет, пока не доездет до места, от которого начинают свой отсчет семьсот сорок крутых ступеней.

Покосилась на хозяина верблюда. Тот улыбнулся, снял пиджак, протянул ей. Джентльмен, однако. Отвела его руку. Показала на свитер, которым была обвязана поясница — их предупреждали, что на вершине будет градусов десять, не больше. На одной из гор светился огонь. Мамаду объяснял, что это хижина бедуина-отшельника. С ума сойти! Как тут жить одному в этом каменном мешке? И главное: нет ни капли воды. Последний дождь здесь был восемнадцать лет назад. Облака — и то редкое явление. Сзади раздался голос какой-то девушки на английском: «Как они здесь живут? Если бы мой муж заставил меня жить в этих горах, я бы удавилась на третий день!» Усмехнулась, взглянула на звёзды. Звёзд здесь меньше, чем в их широтах. Созвездия те же, да повернуты не в ту сторону и вроде ярче, крупнее размером. И вдруг ее охватила какая-то гордая радость. Бог ты мой! Кто бы мог подумать, что она когда-нибудь увидит Синайские горы! Прокатится на верблюде! Будет плавать в Красном море с маской на лице и фотографировать цветочные клумбы кораллов, фантастических рыб, о которых, как говорится, ни в сказке сказать, ни пером описать! Египет всегда казался ей «концом света». Древние пирамиды видела на обложке старого учебника истории, который почему-то всё хранила мать. И вдруг она здесь, собственной персоной. Не в фильме — наяву видит арабских женщин в чёрных одеяниях по самые глаза. Хотя в чёрном облачении ходили не все арабки, у некоторых лицо было открыто, но обвязано платком, плотно прилегающим ко лбу и щекам, — так, чтобы не было видно на голове ни единой волосинки. Голыми были только пальцы рук. Все остальное скрывалось под плотной материей. Купались, не раздеваясь. Это выглядело так нелепо на фоне донельзя открытых купальников «нашенских заморских красавиц», у которых вместо плавок треугольник спереди и перпендикулярная полоска сзади. Хотя бабушка надвое сказала, для кого и что кажется нелепым. Вон с каким неподдельным интересом наблюда-

ет за ней этот бедуин. Она для него тоже экзотика — белокурая, коротко остриженная женщина с голубыми глазами верхом на верблюде. Так что всё в этой жизни относительно.

Вот, наконец, и последняя стоянка. Верблюд опустил на колени и лег у широкой скамейки. Ей не составило труда соскочить с седла. Отдала обещанные пять долларов. Бедуин улыбнулся, сверкнув угольками глаз:

— Хороший верблюд?

— Хороший! — кивнула она. — Правда, немного сумасшедший. И все же спасибо вам.

Теперь предстоял подъём на вершину высотой в семьсот сорок ступеней. Попила чаю, взглянула на гору и принялась штурмовать последнее препятствие. Впереди и сзади, тяжело дыша, шли незнакомые ей люди. Конечно, путешествовать одной не в кайф. Рена с Олегом в Египте уже восьмой раз. Их экскурсиями не прельстишь. И в автобусе из их гостиничного комплекса она тоже была одна. Остальные туристы — из пятизвездочного отеля «Hilton». Не отель — дворец! И море через дорогу. Хорошо, конечно, но дорого. От их отеля до моря полтора километра. Каждый час от гостиницы до пляжа курсировал бесплатный автобус. Не очень удобно, но зато путёвка значительно дешевле. Комплекс еще только достраивался, кое-где велись строительные работы. Пальмы на территории посажены, судя по всему, совсем недавно, так как их кроны были заботливо укрыты от лучей палящего солнца каким-то материалом, но кустарники цвели шикарно. С раннего утра их старательно поливали из шлангов молоденькие арабские парни в зелёных спецовках. Они украдкой бросали косые взгляды на полуобнаженных женщин, которые купались в бассейнах с голубой водой. Глядели с неподдельным восторгом как на молодых, так и на дам в возрасте. Мужчин среди отдыхающих было мало. На группу в сорок человек — четыре редкостных экземпляра. Два добропорядочных мужа, старик преклонного возраста и шестнадцатилетний паренёк, стесняющийся своей властной мамы. Молодым девчонкам — лафа! Каждый шаг под прицелом горящих чёрных глаз!

Интересный народ эти арабы. Вот почему, к примеру, воду и фрукты в гостиничный комплекс вносить не разрешается? Нарушение прав человека, причём нарушение чистой воды! На

завтрак напитки предлагались бесплатно, а на ужин — извольте раскошиться. Смешнее не придумаешь. Накормят до отвала всякой перчёной и слащёной всячиной, а «водопой» — за дополнительную плату, по ресторанным расценкам. Наши мужики все как один сразу уподобились египетским верблюдам. Два стакана соку до еды, три — после, и никаких проблем на все двадцать четыре часа. А у кого «с бодуна засуха» — холодильник забит подпольной минералкой. Какие запреты в силах остановить русского человека, когда он хочет пить? Может, с законопослушными немцами этот фокус у арабов и удавался, но не с нашим российским братом. Ещё диву давалась, что у каждого здания, в котором всего шесть номеров, день и ночь сидит полицейский в синей униформе. Мило улыбается и, как попугай, на все случаи жизни твердит одну и ту же заученную фразу: «Как дела?» Кого или от кого здесь охраняют?..

Прежде чем взять путёвку в Египет, порылась в Интернете. О местных жителях в туристических агентствах давалась такая информация: «Если позволишь себе пообщаться с египтянами, выпить с ними чаю каркаде в пропахшем восточными ароматами магазинчике Шарм-эль-Шейха, если посмеёшься с ними, нормально реагируя на их не в тему брошенные шутки, списав всё на культурные различия, они раскроются тебе, как дети, и расскажут больше, чем положено знать обычному туристу. И тогда ты узнаешь, что Египет — это не только пирамиды и море».

Откуда-то из темноты раздался жалобный голос на английском:

— Мадам! Помогите! Дайте, пожалуйста, руку!

Это кому? Ей, что ли? Первала мысленную чехарду, остановилась, внимательно пригляделась к пареньку с кинокамерой на груди, который сидел в сторонке на камне.

— Что случилось?

— Не могу подняться, ноги болят.

Довольно приличный английский. Фонетика у многих арабов очень страдает — произносят слова так, как в немецком языке, то есть следуя написанию. А ведь в английском есть большая заковыка по принципу «пять — пишем, три — на ум пошло». Руку, конечно, подала. Манера его обращения к ней пришлась по душе.

— Вам, синьор, обязательно на самую вершину?

— Да, конечно! Мне для рекламы нужно снять фильм о восходе солнца.

— Вы на этой экскурсии впервые?

— Да, мадам.

— Тогда вы очень легко одеты. Вас что, не предупредили, что в горах ночью холодно?

— Ничего. Днём отогреюсь.

Разговаривали и подтягивали друг друга за руки. Таким образом подниматься было значительно легче.

— А вы откуда?

— Из России.

— Впервые встречаю российскую девушку, которая так хорошо говорит по-английски.

— Благодарю за комплимент, однако я не столь молода, как вам кажется.

— А сколько вам лет?

— Два дня назад стукнуло сто пять. А вам?

— Двадцать восемь. Как вас зовут?

Терпеть не могла этого вопроса! Но и не ответить тоже было нельзя: «экий секрет»!

— Светлана. — Отчество опустила, знала, что иностранцам его не выговорить. — А вас?

— Самир.

— Очень приятно. Вы оператор?

— Нет, юрист. Но у нас юристы получают очень мало. К тому же я только окончил университет. Опыта работы никакого. А съёмка любительских фильмов для туристов даёт неплохой дополнительный заработок.

— Вы женаты?

— Что вы! Я еще далеко не обеспеченный человек.

— А что, жениться может только тот, кто хорошо обеспечен?

— А как иначе? Как же содержать семью? Редко кто из наших женщин работает. Разве вы видели в сфере обслуживания арабских женщин?

Задумалась. А ведь правда. И в ресторане, и в номерах, и на территории гостиницы, и на пляже — одни молодые мальчики в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти.

— В какой гостинице вы живёте?

— Пусть это будет моим маленьким секретом, — шутливо похлопала она его по плечу.

— Почему?

— А для чего вам это знать?

— Я вас найду!

— Этого мне только не хватало!

— Мне очень нравятся ваши глаза. Они умные и добрые.

— Вам так кажется в темноте. С рассветом это впечатление рассеется, как утренний туман.

— А голос? У вас очень приятный тембр. Он просто завораживает!

Боже мой! И этот туда же!

— Я знаю несколько русских слов.

— Да? Каких?

— «Как дела?», «Хорошо!», «Как тебя зовут?», «Здрости-мордасти!», «Гуси-гуси! — Га-га-га! — Есть хотите? — Да-да-да!»

Он намеревался произнести ещё одну фразу, что-то про Новый год. Она догадалась какую, поморщилась и подняла руку, словно хотела защитить себя от этой пошлости.

— Достаточно!

— Почему?

— Вас наши туристы учат не самым хорошим оборотам речи. И вы повторяете за ними всякую ерунду, которую они произносят смеха ради.

— А что означает по-русски «ни хрена не надо»?

Поморщилась. Отвернула голову в сторону.

— Пощадите мои уши!

— Понял! Это очень плохо? — Он явно забеспокоился. — Я заметил: стоит мне только произнести эту фразу, как русские девушки тотчас отходят в сторону и не хотят со мной больше разговаривать.

— Зато учитесь говорить культурно. Не на «ты», а на «вы».

— Как это?

— Не «тебя», а «вас»! Понятно? — сказала по-русски.

— Не понятно! — перешёл он на русский. — Почему? Ты ведь один?

— Я одна.

— Как ты сказал?

— Повторяю. Не «ты», а «вы». И будет это звучать так: «Как вы сказали?»

— Как вы сказали? — послушно повторил он.

— Вот это уже другое дело! — И снова стала объяснять по-английски. — В немецком, как и в русском, есть «Du» и есть «Sie». Нужно чувствовать эту разницу.

Отчитывала, как школьника, а в глазах прыгали шаловливые зайчики. У него во взгляде было столько восхищения, что вот-вот защелкает языком. И снова на хорошем английском:

— Только, пожалуйста, не сердитесь на меня! Не уходите! Я этого не знал! Меня так учили русские туристы. Я все записывал. Я с собой ношу тетрадь. Научите меня говорить правильно. Мне это очень важно!

Он лопотал по-английски быстро и довольно прилично. При этом ладонь его была прижата к груди. И трудно было понять: то ли умоляет, то ли защищается. О, Господи! Как легко её схватить за язык! А впрочем, жалко ей, что ли?

— Я ещё неделю буду жить у друга. Он торгует на пляже в парфюмерном ларьке рядом с немецким пляжем. Его напарник уехал к семье в отпуск. Замену в этот сезон найти трудно, а одному сидеть в магазине, как собаке на цепи, тоскливо. Вот он и попросил меня поработать вместе с ним. И на экскурсии отпускает, чтобы материальный интерес был.

Он продолжал ей что-то рассказывать, открыто, откровенно, но она уже не слушала, вдыхала густой воздух лунной ночи и растворялась мысленно в какой-то прострации. Они по-прежнему машинально держались за руки, помогая друг другу взбираться на массивные плиты древних каменных ступеней. Потом он стал расспрашивать её о впечатлениях от Египта, об экскурсиях, на которых удалось побывать. Расспрашивал деликатно, не повторяя вопросов, которые она блокировала молчанием.

На смотровой площадке было некуда ступить в прямом смысле этого слова. Повсюду на тюфяках лежали измотанные подбёмом люди, закутанные в тёплые верблюжьи одеяла. Все ждали рассвета. Но солнце не очень торопилось появиться, хоть золотые пики гор снизу уже подсвечивались розовым светом.

Самира колотил озноб. Ещё бы! Ей было холодно в свитере, а на нём одна белая нейлоновая рубашка, сквозь которую просвечивала смуглая кожа. И всё-таки чертовски красивые эти арабы! Нет, не те, что явно южноафриканского происхождения, по мимике и жестам похожие на мартышек. А вот эти, европеоидной расы, степенные и гордые, как сами Синайские горы, что молча возносят свое достоинство к безоблачному небу.

Взглянула на часы — пятнадцать минут шестого. Солнце взойдёт ровно через час. Как хочется куда-нибудь присесть и спрятаться от этого

пронизывающего ветра. Не успела подумать, как к ней подскочил бедуин, предложил купить тюфяк и одеяло. Похоже, деньги здесь привыкли делать даже из воздуха. Главное — оказаться в нужную минуту, в нужном месте, с нужной услугой. Паломники предусмотрительно подвинулись. Вот уж воистину будет сказано, что при желании одним куском хлеба можно накормить весь род людской и одним одеялом укрыть весь мир. Пока она устраивалась в заветерье, Самир, обхватив себя за плечи руками, уже чуть не лязгал зубами от холода.

— Садитесь! — махнула она ему рукой. Дважды приглашать его было не надо. Прижался спиной к её тёплой спине. Про себя усмехнулась: друзья по несчастью. — Может быть, купить одеяло?

— Нет! — брезгливо замотал он головой и шепотом пояснил: — Смотрите, какие они здесь грязные.

— А не заболете?

— Нет, днём отогреюсь, — снова заверил он. — Как только солнце взойдёт, сразу теплее станет. Вы уже задумали желание? Желание того, кто встретит рассвет на этой горе, всегда исполняется.

А ей вдруг в голову возьми да втемяшься какая-то дикая сумасбродная мысль: как хочется любить и быть любимой, пылко, страстно, бескорыстно, как, может быть, наверное, только в ранней юности. Когда в свете луны всё вокруг приобретает сказочное очертание и целый мир может запросто уместиться в придорожной лужице; когда все обыденные слова звучат как магические заклинания. Боже! О чем я? Мне уже пятьдесят! А может быть, не уже, а ещё? Это звучит куда оптимистичнее: «Мне ещё только пятьдесят!»

Смотровая площадка, словно нечаянно подслушав её мысли, «взорвалась» аплодисментами. Из-за горных хребтов появилось розовое темечко заспанного солнца. Самир застрекотал камерой. Гулко хлопнула бутылка шампанского. Зачмокали радостные поцелуи.

Толпа паломников суетливо зашевелилась, качнулась в сторону спуска, на тропу Покаяния. Самира окликнул гид. Она протянула ему руку.

— До свидания, молодой человек! Мир тесен. Благодарю за компанию. Вы мне очень помогли.

Он тоже хотел что-то сказать, но, оглянув-

шись по сторонам, не решился. За ними следили десятки любопытных глаз. Махнула ему рукой и стала быстро спускаться. До условленной встречи их группы на верхнем привале времени было много. Тропа Покаяния петляла причудливыми зигзагами. То пугала крутизной, то преграждала путь острыми зубьями камней, а то вдруг пряталась под громоздкие навесы скал, вызывая недоумение и тревогу. Словом, сосредоточить внимание на собственных грехах возможностей было немного.

И все же момент покаяния наступил. Сама ситуация, как говорится, ударила ногой под дых. Камни были скользкими, отшлифованными тысячами безжалостных ног. Спускалась осторожно, придерживаясь за каменные выступы. Не семнадцать лет, чтобы беспечно прыгать с камня на камень, бравируя ловкостью и бесстрашием. Время от времени пропускала молодёжь вперед. Пусть скажут. Ей спешить некуда.

— Эй! Бабуля! Или шевелись, или отползай в сторону! Нам некогда твою панамку разглядывать!

Развязный фарс парня резанул металлом по стеклу. Внутренне содрогнулась, хотя и не сразу поняла, что это относится к ней. А когда, наконец, дошло, сжав самолюбие в кулак, пропустила пошлую реплику мимо ушей. Бровью не повела в его сторону. Только подумала: «Облагоразумь его, Господи! Ты всем нам судья, не я!» Не успела произнести, как раздался пронзительный женский крик. Парень, который нагрубил ей, остутился и упал коленями на острые камни. Видит Бог, не желала ему зла. Но замечала не однажды: стоило кому-нибудь её обидеть — возмездие не заставляло себя ждать. Неужели так велика сила прощения?!

Остановилась перевести дух. На всякий случай отошла в сторону с тропы, чтобы не разрывать людской цепочки. Однако та все-таки разорвалась. Туристы как по команде застыли на каменных плахах. Где-то совсем рядом послышалось пение. Все как один закрутили головами, отыскивая источник странного звучания. Многочисленные взгляды сфокусировались на выступе скалы, где на коленях стоял древний бедуин и бил поклоны в сторону солнца. Молитва лилась дивной песней, каждый звук которой эхом отражался от скал и какое-то время метался внутри

каменного колодца, пока, наконец, не устремлялся в безмолвие высокого южного неба.

Внизу уже отчётливо был виден монастырь Святой Екатерины, что был выстроен у самого подножия горы. В расщелинах скал стали попадаться какие-то пахучие растения. Запах был очень знакомым. Что же он напоминает? Гид Мамаду словно прочитал её мысли. Спустился в расщелину и сорвал несколько листиков странной травки. «Это ладан!» — протянул он ей благоухающий пучок. Бог ты мой! Кто бы мог подумать! Осторожно убрала ладан в сумочку, прижала между страницами записной книжки.

Древний православный монастырь уже, видно, привыкший к бесконечным толпам туристов, встретил непривычной для северных монастырей духотой. И было уже не до экскурсии, хотелось скорее сесть в автобус. Но куст Неопалимой Купины долго не отпускал её внимания. Никак не верилось, что это живое растение было посажено еще в тринадцатом веке до нашей эры. Нижние ветки и листья были ободраны любопытными туристами. Хотя, если верить словам экскурсовода, даже учёным не удавалось размножить это чудо. Куст возвышался над каменной кладкой, очень похожей на огромную бочку. На миг представила пустынный двор монастыря, пылающие ветви Купины, изумлённого пророка Моисея и проникновенный голос Господа с небес: «Сними обувь свою. Земля, на которой ты стоишь, священна!» Обвела взглядом Синайские горы. Они гордо поблёскивали на солнце своими золотистыми вершинами. Да и как тут не возгордиться: ведь именно здесь Моисею от Бога были даны священные заповеди для всего человечества.

Вечером, лёжа в постели после тёплой расслабляющей ванны, почему-то вспоминала не золотое, а серебряное сверкание Синайских гор в лунном свете и широко распахнутые карие глаза Самира. Зачем была дана ей эта встреча? Чтобы окунуться в воспоминания блаженных дней юности?

Во сне она всё играла с какой-то собачкой. Та лизала ей руки, обхватывала лапами ноги, не позволяя уйти. Собака — друг. Сонники изучила тщательно, потому что зачастую сны снились вещице. Перед смертью мамы, например, приснилась грузовая машина с откинутыми в стороны

бортами. Повсюду на снегу лежали еловые лапки. А к ним в дом молчаливо шли солдаты с лопатами. Она всё пыталась загородить им путь: «Вы куда? Мы вас не приглашали!» Но они обходили её. Последним шёл пожилой офицер с трубой, на которой выводил похоронную мелодию. Она растерянно замолчала, опустив руки, а он остановился возле неё и поцеловал в лоб.

Вспоминать о похоронах мамы было до сих пор тяжело. Нужно переключить мысли на что-то другое. Ах, да! Сон! Собака — друг. Кто бы это мог быть? Рену с Олегом, что жили в соседнем номере, к друзьям отнести не могла, так что приснившаяся собака оставалась загадкой.

На завтраке соседей не было. На пляж поехала одна. Разделась до купальника и шла по песку вдоль берега. В движении загар ложится ровнее. Смотрела на воду. Иногда волны добежали до ее ног. От прохладного их прикосновения по всему телу разливалась какая-то нега. Как хорошо, когда тебя никто не знает. Для всех ты «летучий голландец», туманный и призрачный. И вдруг услышала отчётливо: «Света!!!» Замедлила шаг, но головы не повернула. Она была уже далеко от русского пляжа. Это — территория немецкого пансионата.

— Света!!!

Неуверенно обернулась. Навстречу спешил вчерашний знакомый Самир.

— Молил Бога увидеть вас снова! Как я рад! А вы?!

— Я тоже! — Не соврала.

Остановился в шаге от неё, протянул руку.

— Как вы? Как ваши ноги после такой утомительной экскурсии?

— Ничего. Как видите, хожу... — И расплылась в улыбке. — А вы? Не заболели?

— Нет! Пил чай с мёдом. Не хотите зайти в наш магазин? Он рядом. Мы там с другом вдвоём. У нас не жарко, работает кондиционер. Согласны?

Светлана кивнула и послушно пошла за ним.

Магазинчик был маленьким, метра три на четыре. На полу — мягкий ковер. Возле стен два диванчика. На застеклённых полках красивые сосуды с парфюмерными маслами, от которых исходил какой-то магический запах. Стены за полками все в зеркалах, которые удваивали и без того богатый выбор. Друга звали Мустафой. На вид они с Самиром были одного возраста. Мустафа

любезно предложил ей присесть. Поставил на спиртовую керосинку чайник с водой. Внимательно изучал её чёрными блестящими глазами.

— Вы прекрасно говорите по-английски. Русские редко так владеют английским языком. Научите нас говорить по-русски. Мы уже купили два самоучителя и диск. Нам это очень нужно для работы. Русских туристов всё больше и больше.

— Ну что ж, покажите учебник.

Почти неделю она учила «друзей-арабов», как окрестили их Олег с Реной, русскому языку. И те уже довольно бегло читали по учебнику тексты с длиннющими словами, старательно подражая ее произношению и интонации. «Это — студентка, а это — преподавательница. Это — студентка или преподавательница? Это не преподавательница, это — студентка». Особенно хорошо получалось у Самира. Его приятель Мустафа большого рвения к русскому языку не проявлял, хоть и спрашивал отдельные фразы. Он был женат на шотландке и говорил по-английски в совершенстве. А ей нравилось наблюдать, как Самир справа налево делал записи в общую тетрадь. Причем начиналась тетрадь с задней обложки. Он поглядывал на неё с каким-то благоговением. Наверное, её лицо приняло привычный учительский вид. В школе проработала более двадцати пяти лет, а всякая профессия накладывает свой отпечаток на выражение лица, жесты, привычки и... даже дикцию.

— «Зайди в мой магазин!» Верно? Правильно говорю?

Она покачала головой.

— Во-первых, не «зайди», а «зайдите». Во-вторых, «пожалуйста». Привыкайте к вежливости! В-третьих, не «мой магазин», а «наш магазин». Вы ведь не хозяин магазина?

Он смущенно покачал головой. И даже стало его жалко. Что накинулась на парня? Нужно сменить интонацию. Не в группе продленного дня.

— Вы весьма приятный молодой человек, вам необходимы такие же приятные манеры общения с людьми. Правда?

— Да, конечно. Мне этому необходимо научиться.

Посмотрел на нее, улыбнулся и вдруг закрыл лицо рукой.

— Не смотрите на меня так пристально. Мне трудно выдержать ваш взгляд!

Шутит или серьёзно?

— Вы откуда родом? Где живут ваши родители?

— В пустыне Гиза. Мои родители — бедуины. У нас большая семья. Нас шесть братьев и пять сестёр. — И снова покраснел. Вот ребёнок!

В магазин зашли покупатели. Взгляд парня растерянно заметался. Ему так не хотелось прерывать с ней разговор, но работа обязывала. Она встала.

— Я прошу вас, если это нетрудно, придите ещё. Я так хочу научиться русскому языку. Помогите мне. Умоляю вас! — прошептал он.

Она кивнула и подняла руку вверх. До встречи. Его о чём-то спросили. Он повернулся всем корпусом на вопрос, а глаза провожали её восхищенным взглядом.

Придя в номер, в ванной долго разглядывала себя в зеркале. За лето на даче прилично загорела. Под жгучими лучами египетского солнца загар приобретал красивый бархатный оттенок. И очень была к лицу короткая стрижка крашенных под золото волос. Морщин на лице ещё нет, даже под глазами. Тело словно сбитое, кожа упругая. Сказываются жаркие банные процедуры с березовым веником и нырянием в снег. Есть, конечно, некоторая излишняя полнота, но фигуру особо не уродует. Кстати, за дорогу прилично похудела. Путь неблизкий. Поездом до Москвы четырнадцать часов. День скитанья на вокзале. Ночь перелёта. Три дня акклиматизации. Всё на пользу. И — главное — в глазах никакой заботы, никакой привычной «запаренности». Это, безусловно, привлекает. Вот хоть бы этого паренька Самира взять...

В тот день она пообещала Самире и Мустафе, что как-нибудь после ужина придёт с гитарой на берег моря с соседями по лестничной площадке Олегом и Реной — молодой парой из Москвы. Но получилось это только через несколько дней. Самира они застали на пляже. Он сидел на лежаке, обхватив плечи руками, и тоскливо смотрел на лунную дорожку, что пугливо дрожала на тёмной воде. Надо было видеть ту радость в его глазах, когда она окликнула его по имени! И, тем не менее, ни одним жестом, ни одним суетным движением не выдал своих эмоций. Спокойно поднялся, подал каждому руку и кивком головы указал

на столик у самой воды с тремя плетёными стульями вокруг. Заказал всем пепси и кальян. Они выставили на стол пиво, соленые орешки. Покуривая кальян, она некоторое время молча смотрела на море. Никакого кайфа от курения не испытывала. Может, потому, что в жизни никогда не держала сигареты во рту. Самир искоса, с каким-то незнакомым удивлением разглядывал её. Стоило их взглядам встретиться, он тут же опускал лицо, словно хотел спрятать в песок свое смущение. Ах, да! Она в белом брючном костюме и с пышной причёской. Он впервые видел её такой. Вчера она была в голубой панамке с большим козырьком и в марлевом платице-раскидайке. И панамка, и платье, и даже резиновые тапочки, которые купила специально, чтобы не поранить ноги о кораллы, были одного цвета, цвета морской волны. В таком наряде её действительно можно было принять за девчонку. Он, конечно, не поверил, когда она строго сказала, что ей пятьдесят, засмеялся, принимая всё за шутку. «Вчера вам было сто пять. Сегодня — пятьдесят. За ночь помолодели вдвое. Но глаза выдают ваш истинный возраст!» — «Сколько, по вашему, мне лет?» — не удержалась от банального женского вопроса. — «Тридцать пять. Не больше. Моей маме пятьдесят два. Она выглядит вдвое старше вас». — «Значит, считаете меня своей сверстницей?» — «Нет! Я немного моложе. Но это не играет абсолютно никакой роли...» Теперь она опустила взгляд. Ничего себе! «...не играет никакой роли!» Одного года с её сыном! Только сын — худенький. Самир же на вид выглядел значительно плотнее и потому старше.

«А что, в вашей стране правда разрешено иметь четырёх жен?» — Решила направить разговор в шуточную колею. «Да. Если позволяют доходы». — «И вы, молодой человек, собираетесь иметь четырёх?» — «Нет! — почему-то испугался он. — Я небогатый человек. Мои родители — жители пустыни. Кстати, я там строю дом. Когда построю, тогда смогу жениться. Но стройка очень затягивается. Не хватает денег. Только накоплю на цемент, прихожу в магазин, а цены подскочили вдвое. Опять пролетел!» Он рассказывал ей обо всём так вдохновенно, что она невольно улыбнулась. И как только он заметил на её лице улыбку, тотчас замолчал и закрыл глаза руками. Опять засмутился как малый ребёнок.

Вот и сейчас ему никак было не выйти из каких-то комплексов. Его явно напрягали Олег с Реной. Олег смотрел на него с надменной усмешкой, а Рена кокетливо строила глазки.

Светлана терпеть не могла такой напряжёнки, повисшей в воздухе, а потому взяла в руки гитару, стала настраивать струны.

— Спой мою любимую, — шепнула Рена.

Светлана нежно провела по струнам рукой и запела:

*Ты! Теперь я знаю, ты на свете есть!
И каждую минуту
Я тобой дышу, тобой живу
И во сне, и наяву.
Нет, мне ничего не надо от тебя,
И все, чего хочу я,
Тенью на твоём мелькнув пути,
Несколько шагов пройди!*

Пела, глядя на тёмные волны, которые лениво накатывались на берег, приглаживая песок. Боковым зрением видела, с каким восхищением смотрит на неё Самир, но взглядов ему не кидала. Зачем искушать парня? В баре выключили музыку. Теперь уже ничто не мешало её голосу очаровывать тишину гармонией стихов, мелодии и чувств. Спела несколько песен и отложила гитару в сторону. Олег с Реной, кивнув друг другу, поднялись и, взявшись за руки, пошли по воде вдоль берега. Самир осторожно коснулся пальцами её руки.

— Я очень ждал тебя! И очень скучал! Много раз поднимался по ступенькам на трассу и с той, и с другой стороны пляжа, но тебя нигде не было видно. Подумал, ты уехала и я никогда не увижу тебя больше! Ты знаешь, как мне стало тяжело!

То ли слезы, то ли лунный свет блеснул в глазах. Внимательно смотрела на него, слушала и старалась угадать, как он обращается к ней: на «ты» или на «вы»? Ей почему-то это было очень важно. А равнодушному английскому языку всё равно — что в лоб, что по лбу. Одно «you» на все случаи жизни. Но в его интонации чувствовалось уважение. На пляжный роман это никак не походило.

— И днем тебя нигде не было! Хотел спросить у Олега с Реной, но и их нигде не мог найти. Пытался звонить в гостиницу, но там бро-

сили трубку. Ты ведь не сказала ни номера комнаты, ни фамилии.

Он говорил это с такой болью, что она растерялась. Как ему объяснить? Да и нужно ли? Так совпало, что они с Олегом родились в один день, только он на год позднее. Праздновали это событие вместе. Вечером гуляли по Наама-Бей, а потом в номере пели песни до утра. Естественно, днем отсыпались, потом чаёвничали. Они думать забыли про море, про пляж и про то, что кто-то ждёт их на берегу. Вернее, она-то помнила, но ведь как отделишься от компании? Олег и так частенько ёрничал по этому поводу, мол, ты у нас, как мать Тереза, эти арабы давно бы приплачивать тебе должны. Долгое время Олег работал в ФСБ. И к арабам у него были свои претензии. «Фальшивый народец! Помню, лет десять назад, мы им оружие продавали, а они загоняли его афганцам втридорога!» Слышать это было неприятно. И непонятно, зачем он ей все это говорил? И вообще, какое отношение это имело к этим двум парням, которые сидели в своем магазине, как в собачьей конуре, по четырнадцать часов в день, чтобы заработать свои кровные пятьдесят долларов в месяц вдали от дома.

А Самир продолжал с какой-то болью, словно в нём еще жила вчерашняя обида.

— Ты меня многому научили за один день. Не только русскому и английскому. Понимаешь?

Понимать-то понимала, только что на это ответишь? В сознании всё перевернулось, как это ночное небо и море. Если бы не горные вершины, трудно бы сказать, где истинная луна, а где её отражение. Да и если честно, не хотелось ничего говорить, а только впитывать всей душой каждый вздох, каждый звук таких забытых уже слов и чувств.

— Я считаю дни до твоего отъезда, и у меня сжимается сердце. Ты ведь ещё приедешь сюда, правда?

Она только вздохнула и ничего не ответила. Поднялась, сняла шлёпанцы и пошла по воде в сторону отвесной скалы, под которой пряталась большая тень. Он говорил с ней на «ты». И ей уже было ничего с этим не поделать.

Самир тоже снял обувь, засучил по колено джинсы и пошёл рядом. Ей под ноги попал плоский камень, покрытый скользкой тиной. Она поскользнулась и тихо ойкнула. Самир

быстро подал ей руку и больше не выпускал её ладонь из своей. Теперь он молчал, будто весь растворился в её мягкой руке. А ей вдруг показалось, что ей шестнадцать и что первый поцелуй впереди, до него идти еще много лунных ночей, потому что смычок только прикоснулся к тонким струнам скрипки, не издав ни одного, даже пробного, звука, и гармония таинственной мелодии робко дрожит где-то на кончиках непривычно крупных звёзд.

— Светлана! — Она вздрогнула. Почему-то взглянула на небо, словно громкий окрик раздался оттуда. Перевела взгляд на тёмную скалу. Испуганно освободила руку из ладоней Самира, заторопилась назад. Это был голос Олега. — Мы в гостиницу. Ты с нами?

— Да, конечно! — обернулась на Самира. — Самир, мы в гостиницу. Ты проводишь нас?

Он кивнул, не поднимая глаз. Олег с Реной шли впереди шага на четыре. Взявшись за руки, по-пионерски маршируя, шутливо напевали «Взвейтесь кострами, синие ночи...». Навстречу то и дело неслись какие-то машины, освещая их бешеным светом фар. Вот одна из машин резко затормозила. Им что-то крикнули по-арабски. Самир быстро перебежал дорогу. Она сначала остановилась. Интересно, кто бы это мог быть? Такси? Друзья? Скорее всего, они. Вот машина погасила огни. Самир не подходил. Странно. Она заторопилась догнать Олега с Реной. На душу лёг какой-то неприятный осадок.

— Что это наш арабский друг исчез по-английски? — насмешливо произнес Олег. — А впрочем, это в их стиле. Нельзя верить ни одному слову. Глазом не моргнут — продадут и выкупят. И главное, с самой очаровательной улыбкой. Он тебе хоть что-нибудь сказал?

Светлана покачала головой.

— Может быть, что-то случилось? Не берусь сказать за всех арабов, но эти двое парней внушают доверие.

— Они такие, какими мы хотим их видеть, — усмехнулась Рена. — Главное, угодить клиенту. Вся страна живет туристским бизнесом. — По всему было видно, что девушка озвучивала мысли Олега. Тот сразу закивал:

— Вот-вот! Мы здесь уже восьмой раз. По приезде даю мальчишке, который убирает в номере, пять долларов. И уж он из кожи вон

лезет. Каких только лебедей мне из полотенец не накрутит! Ох, чувят они свою выгоду! Интереса ради загляни в Интернет. Ох, там много чего написано про этих любвеобильных!..

— Самир с Мустафой тебе прямо в рот дышат, — многозначительно переглянувшись с Олегом, добавила Рена. — Кто бы еще их бесплатно стал учить читать?

— Они хоть догадались тебе на день рождения за это духи подарить? — Олег явно перегнул палку.

И Рена перебила его, заглаживая неловкую ситуацию.

— Кстати, хочу у них завтра масло купить, «Клеопатра». Бросаешь одну каплю в ванную — тело пахнет всю ночь.

На том и простились. От предложения попить у них в номере чай с ликером Светлана отказалась, откланявшись по всем правилам этикета. А сама до утра не сомкнула глаз. Всё пыталась разобраться, что же это происходит? Работая в школе, ей как-то удавалось управлять подобными ситуациями, но поведение этого арабского парня вышло из-под её контроля. Может быть, виной тому английский, в котором стёрта важная грань между «ты» и «вы»?

Соседи

Олег с Реной выглядели идеальной парой. Он был очень похож на артиста Олега Янковского. Ни дать ни взять — родной брат, только чуть пониже ростом. Увидев его впервые в самолете, Светлана долго приглядывалась, пока точно не поняла — нет, не он! Красивый, статный, со спортивной накачанной фигурой, он привлекал многие взгляды. В больших глазах чуть насмешливая улыбка. Долгое время Олег служил в органах федеральной безопасности, а каждая профессия, как известно, накладывает яркую печать на человека, скрепляя воедино привычки, мысли, чувства и даже внешний облик. Рена была моложе лет на пятнадцать. Рядом с ним она выглядела очаровательной школьницей. Худенькая, изящная, с кукольными изумрудными глазами (как только они носят эти линзы!?) и большим красивым ртом, она была похожа на инопланетянку и поражала своей необычностью во всем: от неуверенной походки до манеры говорить

как-то по-особому, через нос. Она носила кургузые короткие юбочки, прозрачные топики на бретельках. В каждой мелочи был свой шарм: в рыжеватых очках, в жемчужных шлепанцах на замысловатом каблучке, в плетёной сумочке, что небрежно висела на худеньком плече. Когда они гуляли по городу втроём, арабы, подмигивая Рене, шутили: «Твой мама — наш большой друг!» На это они с Олегом добродушно посмеивались и грозили Рене пальцем: «Вот возьмем завтра и удочерим!» Сначала Рене это нравилось, но потом Светлана стала замечать какую-то отчуждённость с её стороны. А потому старалась реже приходить к ним во время купанья. Тогда обиды начал высказывать Олег: «Гнушаетесь нашей компании?» Вот дела! Как в том анекдоте: «Не так сидишь! Не так свистишь!» И даже на отдыхе ты кому-то чем-то обязан! Уходя к «друзьям-арабам» в магазин, Светлана все время оставляла пакет с вещами на лежаке и как-то получила выговор от соседней по пляжу: мол, где вы так долго пропадали, мы беспокоились за вещи. Будто она просила кого-нибудь сторожить её вещи! А вещи-то, вещи... маска с трубкой да пляжное полотенце. Вот ё-ка-лэ-мэ-нэ! Вечно попадёт в какую-нибудь зависимость от окружающих.

На следующий день с утра до полудня все втроём (она, Олег и Рена) плавали в масках на дальнем пляже, фотографировали кораллы, рыбок. Ей даже удалось увидеть зубастую мурену, но пока искала нужный ракурс для съёмки, хищница спряталась в пещеру и больше не высовывалась. Стала охотиться за ярко-желтыми рыбками с черными полосками и саблевидной короной на голове. Они всегда плавали парами. А еще хотелось отыскать большое скопление ракушек, которые ритмично шевелили волнистыми губами фиолетового цвета. Их было много на мелководье. Плавать у берега было не менее интересно. Солёная вода держала надёжно. Живот не касался кораллов, и опасаться ожогов было не надо. И можно было не спеша сфотографировать морского ежа или еще какое-то колючее чудо, длина игл которого достигала десяти сантиметров. Мимо самого носа проплывали огромные рыбы, годовогодному разукрашенные разноцветными блёстками чешуи. При желании до рыб можно было дотронуться рукой. Но гиды предупреждали туристов, что делать этого не следует, так как

некоторые виды рыб в случае опасности могут испускать ядовитые вещества, вызывающие сильные ожоги. Рыбы щипали кораллы, резвясь, гонялись друг за дружкой, иногда щекотно тыкались ртом в голую ногу или руку, потому как многие туристы, несмотря на жёсткие запреты работников пляжа, всё же умудрялись запрятывать в плавки хлебные крошки. Прикармливать рыб было и интересно, и страшно, потому как они обступали «соблазнитель» разноцветной тучей, выбраться из которой было нелегко. Рыбы преследовали «нарушителя» до самого понтона, где уже раздавался предупреждающий свист берегового охранника.

Дальний пляж находился от их отеля километрах в семи. Он нравился Светлане меньше. До глубины по понтону идти далеко. Песчаная часть пляжа была грязновата после отлива. Здесь пахло тиной и водорослями. Многие лежаки — без матрасов, и вообще... Словом, после обеда, не сговариваясь, все вместе наострили лыжи на ближний. Идею навесить Самира подала Рена, которой хотелось купить масло Клеопатры.

Самир встретил их как всегда улыбкой, но в глазах застыла какая-то недосказанность.

— Ты что же, друг Самир, бросил нас вчера в пустыне? Мы так не договаривались! — мудро начал с нападения Олег. Светлана переводила.

— Я?! Вас бросил?! — изумился Самир. — Это вы бросили меня!

— То есть как? — переспросила Светлана.

— Меня остановила полиция.

— Почему?

— Нужно было показать IC-карту. А она у меня осталась в магазине. Пока сбегал, пока принес... Потом деньги потребовали...

— За что? — чуть не в голос протянули они с Реной.

— Я ведь с иностранцами шёл, а это запрещено. Говорил, что мы — друзья, а они только высмеяли меня: мол, если друзья, почему тебя не подождали. Потом взяли деньги и отпустили, но вас уже не было видно.

Светлана, не мигая, с нескрываемым удивлением во все глаза смотрела на него. Как у них в России в советские времена!

— Прости, друг, мы не знали! — похлопал его по плечу Олег.

А находчивая Рена быстро перевела нелов-

кий разговор на парфюмерию. Сделав покупку, они откланялись, довольные тем, что Самир налил им масла намного больше положенной нормы. Светлана с Самиром снова приступили к урокам русского языка.

После занятия Самир стал умолять её поужинать с ними. Обещал проводить до гостиницы на такси.

Ужин они принесли в магазин. Прежде чем приступить к трапезе, молодые люди, опустив глаза в стол, прочитали молитву во имя Аллаха и только потом стали отламывать от белых лепешек тонкие ломтики, макая их в густой соус. На большом блюде лежали маслины и жареные полоски картофеля фри. После ужина она пошла на песчаный пляж, что был рядом с магазином. Страшно любила купаться в сумерках. На их пляже берег был не песчаным, а коралловым. Здесь же была «резервация» немцев. К ним отношение было другое. Отсюда и песчаный пляж — наверное, по благу. Долго лежала на мокром песке, глядя на круглую луну. Теплые волны ласкали тело. Девятая доходила до самого подбородка.

А когда вернулась, Мустафа спросил, не умеет ли она снимать головные боли. Откуда узнал? Она действительно умела делать точечный массаж, но никому не говорила об этом. Взглянула на Самира. У того от напряжения выступили на висках капельки пота. Начни она делать Мустафе массаж, парень задохнулся бы от ревности. Вон сколько страдания в глазах! И даже усмехнулась про себя. Что за нравы? Вот собственники! Один раз посмел прикоснуться к её руке и уже готов заявить о своих правах. Покачала головой:

— Вам, молодой человек, нужно выйти на свежий воздух и посидеть на берегу моря.

Самир облегченно вздохнул, словно от его горла отвели острый нож. Мустафа понимающе засмеялся и вышел.

А потом они сидели на топчане у самой воды. Самир молчал и время от времени медленно поворачивал голову то в одну, то в другую сторону. Она тоже чувствовала на спине любопытные взгляды. Море облизывало ступни ног солёным языком волн.

— Я им завидую! Они могут ласкать твои ноги! — тихо прошептал он. — А мне нельзя даже дотронуться до твоей руки. Как бы мне хотелось ока-

заться с тобой там, где никого нет, кроме этой Луны. Давай уйдём в пустыню!

— Ты что, с ума сошёл?! — покачала она головой. — Я тебя боюсь! У тебя во взгляде иногда вспыхивает безумие.

— Ты это заметила?! Я тоже себя боюсь!

— У тебя есть девушка? — так же тихо спросила она.

— Нет! Откуда? Разве ты видела здесь арабских девушек?

— А дома? Там, где ты живёшь?

— Они выходят замуж в одиннадцать лет и надевают паранджу.

— А в колледже?

— В колледже, конечно, девушки были, но близких отношений с ними я не имел. К тому же это ведь грех быть с женщиной до женитьбы.

— Значит, ты никогда не любил?

— Почему? Любил. Глазами. Так, как люблю сейчас тебя.

— Самир! Мне не нравятся твои шутки!

— Шутки?! — он весь подался вперёд. Пытался заглянуть ей в глаза. — Ты мне не веришь?!

Она промолчала. Попыталась представить себя в его объятьях. И содрогнулась от одной этой дикой мысли. Уж больно не хотелось ощущать себя «старой барыней», которую старательно «обслуживает» годный ей в сыновья любовник. Пусть этим наслаждаются стареющие певицы, актрисы и прочие «звёзды». В среде творческой элиты это считается приемлемым, даже «модным», а потом так смакуется «жёлтой прессой» и на телевидении. Смотреть и читать противно! Надо бы направить разговор в другое русло, чтобы он перестал молоть всякие глупости.

— У меня семья, Самир. Сыну, как и тебе, двадцать восемь лет. Хочешь, верь в это, хочешь — нет. Я говорю тебе правду. Мой муж — врач. Очень добрый человек. Меня любит. Я его тоже. Ты — хороший парень. Мне хочется помочь тебе с русским языком. К тому же мне хотелось бы узнать вашу жизнь изнутри. Ты так интересно рассказываешь обо всём! Но помни, другого интереса к тебе у меня нет!

Думала, что это разом отрезвит его. Но он молчал. Задумчиво сыпал сухой песок сквозь пальцы. Наверное, так же, как этот песок сквозь пальцы, мимо его ушей пролетели все её слова. Почему-то вспомнилось, как трудно

было запомнить его имя. По привычке тогда стала выискивать ассоциации. К чему бы привязать?.. «За мир и дружбу народов!» Смешнее не придумаешь! «За мир» — «Самир!» Запомнила. Потом поинтересовалась, что означает его имя по-арабски. Оказалось, так называют человека, который рассказывает сказки по ночам. Улыбнулась странному открытию.

Такси вызвала сама. Он никак не хотел отпустить её одну. Она строго, по-учительски погрозила ему пальцем. Парень горько вздохнул и, явно обидевшись, отвернулся. Ишь, какой характерный! Она быстро села на заднее сиденье. Машина тронулась. Водитель, старый морщинистый араб, любопытства не выказывал — что-то мурлыкал себе под нос. Впечатление было такое, что его в этой жизни ничем больше не удивишь.

Съёмки

И снова она моталась по экскурсиям, благо удалось купить их не очень дорого — четыре экскурсии за сто долларов, тогда как каждая отдельно взятая экскурсия стоила обычно более семидесяти. Дня через три зашла в магазин к «друзьям-арабам». Зашла, как всегда, в полдень. Самир был в магазине один. Она решила его разыграть. Поздоровалась на русском. Спросила, чем торгует. Сказала, что хочет выбрать и купить понравившееся ей масло. Самир удивлённо уставился на неё и облизывал губы, не зная, как на это реагировать. Она картинно вдыхала в себя то один аромат, то другой. На него не смотрела. Потом указала на бутылочку с надписью «Ангел» и, капризно скривив губы, заявила:

— Беру это. Сколько с меня?

— Здесь двадцать пять миллилитров, мадам. Цены в каталоге. — Он сделал паузу. И каким-то не своим голосом очень серьёзно добавил: — Вам сделаем скидку на пятьдесят процентов как первому покупателю. — И стал тщательно упаковывать бутылочку. В магазине повисла тишина. И только нудно гудел кондиционер. Она быстро вынула из сумки деньги, положила на стол, а в сердцах проклинала себя за бестолковую игру. Как выйти из этого дурацкого положения? Всё ли у него в порядке с юмором?

— Ну, а теперь будем заниматься. — И улыбну-

лась, как всегда по-детски, склонив голову набок. Он весь обмяк, облегчённо вздохнул и спросил с каким-то придыханием:

– Скажи, зачем ты так?

– Просто так. Пошутила. А что, нельзя?

– Можно, — неуверенно произнёс он. — Только я так не привык. Ты сейчас была совсем чужая. Я никогда не видел тебя такой! Мне было больно.

– Прости! — пылко вырвалось у неё. — Я сама не ожидала!

Он открыл учебник, стал старательно читать русские фразы. Она с улыбкой смотрела на него. Он замолчал. Потом, не поднимая на неё взгляда, стал медленно пододвигать свою ногу в плетёной сандалиии к её резиновой тапочке. Обувки воровато соприкоснулись кантиками, и тотчас пространство между ними пробило незримой вольтовой дугой. Но они не шевелились, как два каменных горных лба, которым не дано соприкоснуться. И только тяжёлое дыхание шевелило ставший вязким воздух.

– Как будет по-русски «я хочу поцеловать тебя»? — нарушил он гнетущую тишину. Она не ответила, лишь нарочито сердито потупила взгляд. — Я всё равно найду эту фразу в словаре! — упрямо пообещал он.

В проём двери заглянули любопытные покупатели. Самир быстро поднялся, заговорил по-немецки. Она уткнулась в учебник, а сама прислушивалась к их разговору. И по-немецки Самир говорил довольно бегло. С должным этикетом, на «вы». Великое дело — иметь приятные манеры. У такого продавца не захочешь, да купишь! В этом плане они с Мустафой подобрались на пару, хоть внешне были очень разными. Тот больше походил на юношу еврейской национальности: мягкий, умный, любезный. Общение с Мустафой Самира явно шло на пользу. Друг учил его сдерживать эмоции, гасить импульсы, контролировать чувства. И хотя были они одного возраста, Мустафа казался намного старше и мудрее. Однако пылкая натура Самира нет-нет да и давала «сбои». «Дитя знойной пустыни» Самир усваивал уроки этикета с легкостью, пока дело не доходило до практики. Справиться с собой ему было нелегко.

В этот день Мустафа отпустил Самира с рабо-

ты, и они долго гуляли по берегу моря. Прошли немецкий пляж, итальянский. Самир рассказывал ей о семье. Видно было, что по дому он скучает. Его мать никогда не ходила в школу, читать и писать научилась сама. В семье он был самым младшим, одиннадцатым, ребёнком. Не без гордости отметил, что у матери он самый любимый. Слушать его было интересно. С одной стороны, ситуация очень походила на российскую, а с другой — корнями своих нравов и традиций уходила в глубь веков.

– Знаешь, мне почему-то так легко рядом с тобой, будто я знаю тебя с самого детства, — неожиданно признался он. — А хочешь, сниму фильм о тебе. Хочешь? Ведь это идея!!! Ты увидишь себя моими глазами!

– Терпеть не могу, когда меня фотографируют!

– Почему?

– Глаза разные, щёки нос давят, — пошутила она.

– Глупости! Ты увидишь себя моими глазами. И полюбишь себя, поверь мне! Попробуем? На камеру не обращай внимания, ладно? И не бойся, меня в кадре не будет. Только ты!

И ладони сомкнулись в ударе: на эксперимент согласна! Он тут же расстегнул матерчатый футляр, который всегда носил на плече. Снимал, забегая то с одного бока, то с другого, и радовался как ребёнок, которому разрешили побегать по лужам босиком.

И снова они шли в гостиницу пешком. И снова их остановила полицейская машина. Только на этот раз она не отошла в сторону, сколько ни просил её об этом полицейский. Громко и требовательно вопрошала по-английски:

– В чём виноват этот молодой человек? В каком правонарушении он замечен? Кто из вас мне может это объяснить?

Пять человек в белых мундирах переглядывались, но на вопросы не отвечали. Наконец один из них осмелился спросить:

– Извините, вы из какой страны?

– Из Великобритании. А что?

– Всё в порядке, мадам. Вы можете идти в гостиницу.

– Благодарю! Только одна в гостиницу я не пойду. Уже темно. Этот молодой человек — мой друг. Я хочу, чтобы он проводил меня до гостиницы.

Самира отпустили, но деньги отобрать всё же успели. У парня дрожали губы.

— Они воры! Понимаешь, Светлана? Воры в белых мундирах! Им нужны деньги! Хорошо ещё, что ты сказала, мол, из Великобритании. У тебя очень хороший английский. Они уважают англичан и американцев, чего нельзя сказать о россиянах. Ты прости меня, конечно, но это так. Россияне зарекомендовали себя не очень хорошо. Никогда не говори никому, что ты из России.

Светлане стало не по себе. Вот те раз! Умом понимала, что он прав, а вот душа такого не принимала. Мустафа как-то рассказывал, как российские девочки предлагали расчёт за масла натурой, при этом без стеснения расстёгивали халатики, обнажая точёные фигурки. Впрочем, и за другими примерами ходить далеко было не надо. Как-то утром на пляже наблюдала довольно неприятную картину. Грузная женщина грозно орала на араба, который раздавал полотенца на пляже.

— А ну тащи свежее полотенце! Кому сказала! Одна нога здесь, другая — там! А не то завтра же уволен будешь! Я деньги платила! И деньги нехилые! А ну давай дуй куда надо! Слышишь, черномазый?!

Парнишка, на вид ему было лет пятнадцать, растерянно крутил головой и лепетал что-то на своём языке, показывая пустые руки. Разъярившаяся «мадам» била его по рукам, требуя своё:

— Гони полотенце! Кому сказано! И не скалься! В гробу я видала твои зубы!

От стыда за её хамство хотелось провалиться сквозь землю. Светлана не выдержала, подошла.

— Успокойтесь! Возьмите моё полотенце. Такое бывает не только в Египте, но и в России. Думаю, что распускать руки — не лучший выход из ситуации.

— А чего это ты за него заступаешься? — Развернулась та к Светлане всем своим тучным телом. — Нашла с кем якшаться! Никогда на лежаке нет. Бросит полотенце и сумку — и ищи её свищи!

Женщине хотелось поскандалить еще, разнужданной натуре необходимо было разбрызгать по сторонам скопившийся адреналин, но Светлана резко обрезала:

— Во-первых, не «ты», а «вы»! Я не с вашего рынка! Во-вторых, свои вещи я никого не просила сторожить. И отчитываться, где я бываю

и что делаю, перед вами не собираюсь. — И добавила спокойно и внушительно, глядя в её заплывшие жиром глазки: — Вам это понятно? Или повторить?

Это подействовало. Крикунья быстро отошла в сторону. На пляже снова воцарилась томная тишина. А Светлана надела маску и пошла в море. Спину полосовали любопытные взгляды. Они не ранили, а только ощупывали кожу, проверяя на толщину и прочность. Она медленно погрузилась в солёную воду.

Вспомнив этот эпизод, покачала головой: «Вот уж, действительно, в семье не без урода». Прощаясь с Самиром у крыльца гостиницы, как бы между прочим спросила:

— Может, деньги дать на такси?

Он смутился.

— Нет! Зачем? Я отдал им всё. Больше не останутся! Я пойду пешком. Ты завтра придёшь?

— Не знаю. У меня экскурсия в дельфинарий.

— А вечером? — От волнения у него пересохло в горле и голос захрипел, как спросонья.

— Я поговорю с Олегом и Реной. Если они согласятся, приду вместе с ними.

Ему стало не по себе. Быстро протянул ей руку и исчез в темноте. А её охватило какое-то оцепенение. Над головой с шумом пролетел Ту-154. Пролетел так низко, что в иллюминаторах можно было различить лица. Аэропорт был в двух километрах от их гостиничного комплекса. Послезавтра её рейс. Вот так же прощальным взглядом будет окидывать Синайские хребты, отыскивать квадратик своей гостиницы и жёлтое пятнышко знакомого пляжа.

И снова в эту ночь было не заснуть. Горько усмехалась собственным сомнениям. «Быть или не быть!» Нужна ли ей эта последняя встреча? А впрочем, утро вечера мудренее...

Последний вечер

На следующий вечер Рена на ужин не пришла. Олег посетовал, что ей недомогается. А соседка по столу вдруг предложила экскурсию во дворец Шахерезады на представление «Тысяча и одна ночь». Мол, у неё наметились какие-то другие планы. Недолго думая, билет на вечернее шоу под открытым небом Светлана у женщины

купила. Одной идти на берег не решилась — обстановка будет очень щекотливой. Сидеть в последний вечер в гостинице — тоже радости мало.

И снова экскурсионный автобус остановился у гостиницы «Хилтон». К ней подседа женщина с очень красивыми глазами. В разговор вступила легко, словно они были уже когда-то знакомы. На фоне цветных слайдов с достопримечательностями страны на трёх языках рассказывалась история Древнего Египта. Звучали народные песни, исполнялись фольклорные танцы, по арене гарцевали всадники на конях, выделявая такие цирковые трюки, что сердце замирало от напряжения. А перед глазами — застенчивая улыбка Самира. Знала, что сидит на лежаке, смотрит на лунную дорожку и страдает.

Вернувшись в гостиницу, долго сидела на балконе и смотрела на полную луну. Не верилось, что в Москве уже температура воздуха упала до нуля. А здесь даже ветерок, что дул с сонного моря, был тёплым и ласковым. Представить трудно: так круглый год! И весной, и зимой, и осенью... Никаких перемен. Сплошное лето. Везёт людям! А может, наоборот? Как она не догадалась спросить у Самира? Хотя откуда он знает? Кроме Египта нигде и не бывал. А что если пригласить его в гости? Осторожно перевести стрелки симпатий с рельсов увлечения на добрые дружеские отношения. Муж Алексей — человек здравомыслящий. Не раз ведь ей приходилось такое проделывать — получалось.

Преподавать иностранные языки в школе Светлана начала в двадцать один год. На её попечении было несколько одиннадцатых классов. С двумя-тремя в группе можно было работать по программе, большая же часть старшеклассников умела только читать, но были и такие, кто не знал даже алфавита. К уроку готовила семь вариантов заданий, чтобы увлечь работой каждого с учётом уровня знаний и возможностей. А у парней — косяя сажень в плечах, лет под восемнадцать. И столько достоинства во взгляде! Но все испытания проходила без проблем. А вот её коллеге в немецкой группе досталось с лихвой. И учебники к парте прибавляли, и портреты немецких классиков жёваной бумагой заплёвывали, и венник с урной на стол ставили. Приходила с уроков вся в слезах. Без зависти не обходилось. Как-то в учительской на вопрос директора: «Почему у Светланы Петровны на уроках дисциплина? А у

вас — вечные жалобы!», прозвучало: «Видно, я лицом не вышла!» Но дело было, конечно же, не во внешности. Классом она владеть умела. Наверное, в мать пошла. Про ту всегда говорили: «Педагог от бога!» С ребятами никогда не заигрывала. Была спокойна и требовательна. Но не возводила принцип в беспринципность. Умела выслушать, понять, не скупилась на обнадеживающие «авансы». Понимала, что заслуженной похвалой достичь можно многого. Никогда не страдала самолюбованием, не позировала, вела себя просто и естественно, как и с этими арабскими парнями. Нередко ловила на себе смущённые взгляды старшеклассников, хоть повода для этого не давала. И умело заключала стихию их скрытой влюблённости в рамки добрых дружеских отношений, с надёжным замком её неформального авторитета. Мальчишки, как про себя звала она старшеклассников, были готовы пойти за ней в огонь и в воду.

За окном, на эстраде, всё ещё тихо звучала арабская музыка. Вышла на балкон. Как интересно продумано освещение! Свет не бьёт в глаза. Встроенные в каменные ниши светильники то расстилают свои лучи по земле, то устремляют их в тёмное небо. А воздух ароматный какой! Не жизнь, а сплошной праздник. И всё же от этой праздности она немного подустала. Хотелось на дачу, по уши погрузиться в бытовые дела, очередность выполнения которых диктуется самой природой: когда ягоды собирать, когда огурцы солить, когда картофель копать. На работу не хотелось, а вот в лес за грибами или на рыбалку!.. Ведь отпуск ещё не закончился. И всё-таки нужно завтра съездить проститься с Самиром. Интересно, что сейчас он делает? О чём думает? Наверное, сидит на топчане, обхватив себя за плечи руками, смотрит на лунную дорожку, что покачивается на воде, как в гамаке, и мучает себя вопросом: «Почему не пришла?» Хотя что себе так льстить! Может, и думать забыл! Не пришла так не пришла. Сколько молодых и красивых мимо ходит, одна девушка лучше другой. Глазами-то волен любить любую. Да что ей до него! Век бы не подумала, что какой-то мальчишка может так царапнуть душу. Стоит перед глазами — и всё тут! Как наваждение какое! И всё-таки, наверное, думает о ней, раз что-то так тревожит душу. Вспомнилось, как доверчиво прижался к ней спиной там, на вершине горы, дожидаясь восхода солн-

ца. Как восторженно ударил ладонью ей в ладонь, когда удалось правильно и чисто произнести русскую фразу. Как осторожно коснулся пальцами её руки...

Надо будет завтра, перед отъездом, съездить к ним на пляж, заодно бросить монетки в море. Благоприятное место. Вернуться сюда, конечно же, хочется. И лучше бы с мужем Алексеем.

Отъезд

Во время завтрака поблагодарила за доброе обслуживание всех молодых людей в ресторане, кто вступал с ней в разговор. Приветливо помахала рукой тем, кто издали сверлил её любопытным взглядом. Разулыбались, обнажая жемчужные нити зубов, как дети, которым показали красивую картинку! Светлана направилась в номер укладывать вещи в чемодан. Одевалась как в дорогу: белые брюки, белую мужскую рубашку навыпуск, белые кожаные тапочки на шнурках и такую же белую кепку с длинным козырьком, которая так понравилась бедуйну у пирамиды в Каире. Села в такси и махнула рукой в сторону моря.

У входа в магазин сидел какой-то незнакомый мальчик лет десяти. В самом магазине никого не было. Увидев её, мальчишка заулыбался, вскочил и куда-то побежал. Странно. Прошла к морю, вздохнула всей грудью. Сверкнули на солнце медные монеты и нырнули в глубь ленивых волн. Почему так непривычно тихо? И вдруг вспомнила. Время обеденной молитвы. По всему побережью отключают музыку. Самир с Мустафой на молебне. И молятся арабы немало — по пять раз в сутки. Облегчённо вздохнула. И тут спиной почувствовала его присутствие. Резко обернулась. Вряд ли когда сможет забыть этот взгляд! Он стоял в какой-то странной позе, словно застыл на бегу, и грудь вздымалась после быстрого бега. Ах, да! Она должна подойти первой. Ему этого делать нельзя. За ними опять наблюдают. Улыбнулась, подошла, протянула руку. Он пожал её, обнимая двумя ладонями. И жестом предложил зайти в магазин. Она присела, как всегда, на скамеечку у двери. Он — напротив, забился в свой любимый угол. Она достала из сумочки визитку, протянула ему.

— Это номер мобильного, а это — адрес электронной почты. Я пришлю тебе свои программы по английскому языку. Они с переводом на русский. Разберёшься.

Он взял визитку, прижал её к губам и вдруг заплакал. Слезы капали на джинсы, как первые капли дождя, редкие, тяжёлые и крупные. Он старался глушить всхлипывания, но они всё равно прорывались. «Ну, дела! — промелькнуло в голове. — Как в индийских фильмах!»

В магазин заглянул Мустафа. Хотел было улыбнуться ей, но, взглянув на их лица, спрятал улыбку в нагрудный кармашек рубашки и торопливо вышел. Самир быстро встал:

— Сейчас я вернусь!

Она проследила за ним растерянным взглядом. Пряча лицо, он быстро зашагал в общественную душевую. Вернулся с виноватой улыбкой, стряхивая рукой с лица и густых волос капли воды.

— Я думал, что ты уже улетела и я больше тебя никогда не увижу.

Голос у него был таким глухим и подавленным, что она не могла произнести ни слова. Смотрела на него и молчала. И понимала, что сейчас он опять говорил ей «ты», не «вы».

— Не смотри на меня так! — закрыл он лицо руками.

Она отвела взгляд в сторону. Ну, дитя! Что тут ещё скажешь?

— Я ждал тебя вчера. Ждал до часу ночи. Много раз поднимался на шоссе и по той лестнице, и по другой. А когда, наконец, понял, что ты не придёшь, возненавидел всё вокруг. Ты веришь?!

Она кивнула. А он снова закрыл лицо руками, и плечи его беззвучно затряслись. Светлана протянула ему носовой платок. Он усмехнулся, отвел её руку. Вытер лицо локтем и снова вышел умыться. Но шёл теперь неторопливо, с прежним достоинством. И плевать ему было на то, что с разных сторон за ним с нескрываемым любопытством наблюдал не один десяток глаз. А когда вернулся, долго стоял в дверях и смотрел ей в глаза.

— Когда твой самолёт?

Она торопливо взглянула на часы.

— У нас есть минут пятнадцать.

— Пойдём в бар выпьем холодного соку. С Мустафой я договорился. — Стукнул кулаком по каменной стене: — Опротивел мне этот магазин!

В баре никого не было. Певец что-то пел на

арабском. Пел трогательно, с некоторым надрывом. Самир повторял за ним слова и смущенно смотрел на неё. И снова в глазах стояли слёзы.

— О чём эта песня? — спросила она.

— У тебя есть ручка и листок бумаги?

Она удивлённо подняла брови. Господи! Вот это конспирация! Оглянулась. Три молодых парня сверлили её насмешливыми взглядами. Один — за стойкой бара, другой — за спиной у соседнего столика, третий выглядывал из-за живой цветочной стены. Понятно! Достала из сумки блокнот, ручку. Самир стал что-то быстро писать. Протянул ей блокнот. Пробежала глазами строки:

«Эта песня о моей любви к тебе. Я боюсь, что ты не вернёшься и что я тебя никогда не увижу! И это разорвёт мне сердце!»

Она перевернула страницу блокнота и тоже стала писать:

«Любовь, как море, есть приливы и отливы. Буду молиться за тебя. У тебя будет очень красивая и добрая жена и много детей. Вы будете любить друг друга и строить дом в долине Гиза».

Он перечеркнул страницу крест-накрест.

«Я хочу, чтобы это была ты! Скажи, что ты пошутила и у тебя нет мужа! Я бы не дал тебе уехать! Я бы поехал за тобой даже в твою снежную страну!»

— Прости, мне пора!

Он побледнел, смело дотронулся до руки и крепко сжал её. Потом резко встал и кивком головы пригласил следовать за ним к такси. В машине молчал и время от времени искоса поглядывал на неё. К счастью, у гостиницы никого не было. Он вышел из такси, подал ей руку. Поразила его галантности. А он обернулся на таксиста. Водитель, всё тот же старик, беспечно копался в «бардачке». Самир наклонился и, как малый ребёнок, ткнулся губами в её щёку. Затем сунул ей в руку диск с видеофильмом, поспешно сел в машину и поднял руку. Машина быстро развернулась и скрылась из виду.

— Вот и всё! — зачем-то вслух произнесла она. Однако долго предаваться чувствам времени не было. Подошел автобус. Из гостиницы высыпали люди. Нужно было идти за вещами.

И снова переполненный пассажирами аэропорт, суeta на таможне. Светлана машинально делала то, что подсказывала шумная толпа. Кто-то раздраженно ткнул в её спину локтем.

— Стоит как неживая! Спит на ходу, что ли?

Обернулась. Старая знакомая. Толстая тетка с красным потным лицом, что кричала на весь пляж и грозилась снять с работы пляжного работника за то, что у него кончились чистые полотенца. И снова она диктует всем свои порядки... Ну да бог с ней! Светлана была даже рада тому, что её подталкивали локтями, заставляя двигаться.

Видела, как в толпе мелькнули Рена с Олегом. Её не заметили. И слава богу. Она тоже не стала пробираться к ним. Общаться ни с кем не хотелось.

Самолет стремительно набирал высоту. Светлана прильнула к окну. Застыли в почетном карауле величественные хребты Синайских гор. Сверкнуло синими глазами почему-то названное Красным море. Крыло самолета спрятали под собой экзотическую картинку. Она сомкнула веки. А в голове зазвучал его голос: «Мне кажется, я всегда знал тебя!словно ты жила не на другом краю света, а где-то рядом, на плато Гиза. А ты утверждаешь, что это не так, и рассказываешь мне про снег, которого я никогда не видел. Смотрю в твои глаза, и мне в тебе нравится все: голос, походка, мимика, жесты. Почему ты мне такая родная? Даже тогда, когда говоришь на русском языке, я все понимаю. Скажи, разве такое может быть?»

Вот уж правда! Как такое могло случиться? Когда он появился на свет, она уже была в «интересном положении». Из декретного отпуска на работу уговорили выйти, как только сыну исполнилось полгода. И все та же сумасшедшая нагрузка. Все самые хулиганистые парни просились в ее английскую группу. Завуч ругалась, не разрешала начинать урок, пока «лишние» не выйдут из класса, но парни молча саботировали. На все доводы директора, мол, вы же учили немецкий, твердили одно: «Нам все равно, где сидеть. Ни по-немецки, ни по-английски не малтаем!» Делать было нечего. Завуч разводила руками: «Пусть только Светлана Петровна пожалуется мне на дисциплину!» Но жаловаться было не на что и не на кого. Ей не приходилось даже делать замечаний. Их делали друг другу сами ученики. Не дай бог у кого ненароком щёлкнет ручка! Все головы возмущенно поворачивались на звук. Стоило ей на ком-то остановить пристальный взгляд, ученик смущенно краснел и опускал глаза. Почему это

происходило, сама не знала, но силу воздействия своего взгляда чувствовала. Но этим, если честно, никогда не злоупотребляла. И вот на тебе! Что называется, «влипла в историю» с этим арабским мальчишкой! Как там у Экзюпери? «Мы в ответе за тех, кого приручили...» Да уж! Да уж! Всегда помнила об этом... А тут... Где переступила запретную грань? Не тогда ли, когда, поскользнувшись на скользком камне, не отвела его услужливую руку в сторону? А может, когда из жалости к дрожавшему от холода пареньку позволила ему прижаться спиной к своей спине там, на вершине одной из Синайских гор? Или всё-таки тогда, когда он придвинул свою ногу в плетёном сандалиии к резиновому ободку её тапочка? И она не убрала ногу! Да что гадать?! Грех вызревает в мыслях. И взгляд начинает источать флюиды. Сама того не осознавая, ввела парня в искушение!

Проклятое самоедство! Будь на её месте мужчина, разве стал бы корить себя за то, что вызвал любовь какой-то девчонки?! И платоническим чувством тут бы не обошлось! Ещё бы и гордился своей победой! А тут не освободиться от чувства какой-то необъяснимой вины...

Интересно, а что у Самира в фильме? Ведь он подарил ей диск. Как он тогда сказал? «Ты увидишь себя моими глазами. И полюбишь себя, поверь мне!» Чудной! Нельзя ей привозить этот диск домой. Зачем вызывать ревность мужа? Зачем ранить ему душу какими-то напрасными подозрениями? И из-за чего? Из-за того, что арабский мальчишка, прощаясь, ткнулся губами ей в щёку? А кому тогда показывать этот фильм? Подругам? И ловить их многозначительные усмешки? А может быть, втайне от мужа самой любоваться на себя? Безумие!

В Домодедово приземлились в час ночи. Пришлось до утра сидеть на вокзале. Включила мобильник. И в ту же секунду пришло сообщение: «Я очень тоскую. Сообщи, как долетела. Люблю, обнимаю, Самир». Ответила сдержанно. И вновь эсэмэс: «Когда ты приедешь?» Она долго не отвечала. Потом написала: «Мне трудно ответить на этот вопрос». И тут же в ответ: «Помни: я буду ждать тебя и через десять лет!» Горько усмехнулась: мечтать не вредно. Что будет с нею через десять лет? Как будет выглядеть? Какими будут его интересы?

Нашупала в сумочке коробку с диском, встала,

отыскала взглядом урну, подошла к ней и медленно опустила туда диск. Обвела взглядом зал ожидания. За ней наблюдала только маленькая девочка лет семи, что вертелась в кресле рядом со спящей матерью. Другим пассажирам не было до неё никакого дела. Вот и хорошо.

К утру сон взял своё. Отключила мобильник. Закрыла глаза.

В поезде заставляла себя думать только о доме. Как там муж? Слушается ли его шенок Тобик, которого совсем недавно взяли в семью? Были ли письма от сына? Не планируют ли детей? Что-то долго тянут они с этим делом. Некоторые женщины не хотят рано становиться бабушками, а ей хотелось иметь внуков. Жизнь прекрасна в любом возрасте! Но почему же тогда так царапнуло бесцеремонное обращение к ней того парня, на тропе Покаяния: «Эй, бабуля!..»? Да разве в слове дело? Сама манера обращения – пренебрежительно-унизительная! Забыть! Забыть того парня! Забыть Самира! Забыть эти Синайские горы! Синь Красного моря! Ведь поезд несёт её в зиму, в искрящийся снег, где так уютен семейный очаг и потрясают своей величавой красотой берёзы, ели, сосны!

А память, как коварная кошка, запустила коготки не в одежду, не в тело – в самую душу.

Два года назад нашлись «доброжелатели» и по телефону сообщили, что у мужа в любовницах – молоденькая медсестра. И даже фамилию назвали. Всё сходилась. О ней муж подозрительно много рассказывал, словно на отделении других работников не было. Светлана даже однажды видела её. Как-то зашла в больницу и столкнулась с ней в дверях его кабинета. Надо было видеть эту надменную красавицу, в каждом взгляде, в каждом движении, в каждом жесте которой сквозили вызов и соперничество, страх в обнимку с откровенным самолюбованием! Но так не хотелось верить в предательство! И Светлана гнала все недобрые предчувствия прочь. Но однажды, возвратившись с курсов повышения квалификации, во время уборки нашла под кроватью чужую серёжку. Долго ходила как в воду опущенная. Богатая фантазия вырисовывала такие картины, что хотелось без оглядки побежать к озеру, броситься в ледяную воду и плыть, плыть, плыть!.. До тех пор, пока не оставят силы...

Муж забеспокоился. Всё чаще стал брать её за плечи, разворачивая к себе, заглядывал в глаза:

– Ну, что с тобой? Ты случайно у меня не заболела? Завтра же сходи в поликлинику, проверься. Обещаешь? Или положу к себе на отделение.

– Там я буду лишней! – опустив взгляд в пол, прошептала она.

– Ах, вот оно что! Стало быть, доложили. Ну, было увлечение. У нас, мужиков, сильны животные инстинкты. Больше с ней не встречаюсь. Клянусь! Это правда. Она перешла работать на «скорую». Там больше платят. Ну, прости меня, прости!

Светлана застонала. Почему-то вспомнились роды. Сын родился очень крупным. Разрывов было столько, что орала на всю больницу. И всё равно ту физическую боль с этой было не сравнить! Кто-то из «сердобольных» подруг посоветовал: «Должок платежом красен! Возьми да измени с кем-нибудь. И сделай так, чтобы узнал!..» Она покачала головой: «Такой душевной муки, что испытала, и врагу не пожелаю!»

* * *

Открыла глаза. В незашторенное окно робко заглядывали по-северному голубые сумерки. В кухне муж Алексей смотрел телевизор. Прислушалась. Опять про этот теракт... В гостинице Hilton. Значит, всё-таки не сон...

Нашупала рукой на полу мобильник, набрала эзэмэс и отправила на номер Мустафы: «Как Самир?» Через несколько минут с каким-то надрывным писком пришёл ответ: «Его больше нет».

Долго лежала не шевелясь, тупо глядя на то место, где на тёмной стене висела икона Спасителя. Перед мысленным взором раскинулось ночное небо с непривычно большими звёздами. Они подмигивали ей, словно говорили: «Мы будем ждать тебя и через десять лет!»

В спальню вошёл Алексей. Не включая света, подошёл к дивану, присел, как к больной, на самый краешек постели.

– Вставай-ка, засонюшка. Посмотри, что в мире творится. А ты спишь себе безо всяких забот! Опять эти теракты. Кстати, в Египте, откуда ты недавно прилетела. Больше не отпущу тебя одну куда. Слышишь? – Провёл ладонью по щеке. – Да ты никак плакала?!

– Сон плохой приснился, – прошептала она.

– А ты его забудь, – как маленькую погладил её по голове. – И давай-ка вставай! Пойдём чаю попьём!

Она прильнула горячей щекой к его руке и с трудом выдавила из себя:

– Угу! Сейчас!..

□

Надежда Борисовна ВАСИЛЬЕВА

Автор девяти книг прозы:

«Живой души потемки» (1992 г.), «Судите сами» (1998 г.),

«Под созвездием Кассиопеи» (2004 г.), «Етишкина жизнь!..» (2006 г.),

«По прозвищу Гуманоид...» (2007 г.),

«Про Стасика, Дашу и бабушку Машу» (2007 г.),

«Ральф в гостях у Кристи» (2008 г.), «Сказ об эльфийской принцессе» (2010 г.),

«Жили-были...» (2011 г.).

Лауреат премии главы правительства Республики Карелия «Сампо» (2007 г.).

Председатель Карельского республиканского

представительства Союза российских писателей,

член Международного совета литературного центра

стран Баренц-региона (Швеция) и эксперт по вопросам культуры

Ассоциации «Совет муниципальных образований Республики Карелия».

